

ГАЛЛИПОЛИЙСКОЕ ЧУДО

*Мы, скованные в одно жертвой, причастием
огня и крови двухлетних наших боев, создали
железное Галлиполи.*

Генерал А. В. Туркул

Сегодня, когда разговор заходит о белой эмиграции, все обычно представляют себе офицера в расстегнутом кителе с золотыми погонами, пьющего водку в парижском ресторане и с ностальгией поющего «Боже, царя храни!». Это в корне неверно. Прежде всего, чтобы добраться до Франции, нужны были деньги. Откуда они могли взяться у израненного фронтовика, получавшего жалованье денкинскими или врангелевскими бумажками, да еще крайне нерегулярно? Безусловно, Берлин, Прага, Брюссель и Париж стали культурными эмигрантскими центрами. Но разговор о судьбах русских изгнанников еще впереди. Пока же мы рассматриваем только Белое движение.

Когда огромная флотилия с войсками Врангеля и крымскими беженцами в ноябре 1920 года прибыла в Константинополь, начались переговоры с французскими оккупационными властями об их дальнейшей судьбе. По настоянию генерала Врангеля Русская армия как организованная боевая сила была сохранена. Первый корпус генерала Кутепова, куда сводились 25 тысяч чинов «цветных» частей, отправился на полуостров Галлиполи. Русские окрестили его по-своему — «Голое поле». Под непрекращающимся холодным дождем выгружались они с кораблей, трое суток ставили выданные французами палатки. У них не было другого топлива, кроме чахлого кустарника на холмах, чтобы просушить одежду и обогреться.

В Галлиполи Кутепову приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы солдаты и офицеры окончательно не пали духом и остались армией. Лагерь было приказано организовать по всем правилам — наладить несение службы суточным нарядом, выставить караулы. Возобновились регулярные занятия строевой и боевой подготовкой, словесностью и законом Божьим. Свободное время было отдано благоустройству — делали грибки для часовых и навесы для знамен. Из подручных материалов — кустарника и тростника — плели койки. Для поддержания дисциплины и порядка в полках восстанавливались

офицерские суды чести и военный трибунал. Советские историки потом назвали эти меры «настоящим проявлением солдафонства Кутепова».

Однако генерал достиг главного — армия постепенно выходила из состояния шока, возрождался ее боевой дух. В условиях лишений, оторванности от Родины, унижения возникла частица прежней России.

Галлиполийский лагерь стал понемногу оживать. Возвели церковь с иконостасом из одеял, лампадами из консервных банок и звонницей из снарядных гильз. Начали работать мастерские по починке одежды и обуви. Была отлажена гарнизонная и патрульная службы. Частям предписывалось соблюдение своих полковых праздников, проведение смотров и парадов. Запрещалась нецензурная брань, «порожденная разгулом войны». В частях стали выпускать рукописные журналы и газеты, была организована фехтовально-гимнастическая школа. Командир второго батальона Корниловского полка Михаил Левитов вспоминал спустя годы: *«Особо популярными у нас были выступления футбольных команд. Всего их было 23. 30 марта 1921 года состоялся розыгрыш кубка Первого армейского корпуса, который выиграла команда нашего полка под командой поручика Рыбалко. Но затем “общая сборная” победила корниловцев».*

В Первом армейском корпусе выработали даже дуэльный кодекс. В приказе Кутепова, утвержденном Врангелем, отмечалось, что к поединкам чести следует прибегать лишь в тех случаях, когда это окажется действительно необходимым. Ни дуэльных пистолетов, ни шпаг не было, да и офицеры за время Гражданской войны привыкли к другому оружию. И в Галлиполи, когда оказывалась оскорбленной чья-то честь, традиционным стало фехтование в штыковом бою. По воспоминаниям очевидцев, всего господа офицеры сходились у барьера не больше 15 раз — хватало других забот. Не было возможности бороться со вшами, часто умирали от тифа и холеры. Ходили во фронтовых обносках или самодельных гимнастерках. Постоянное сокращение пайков обрекало белых воинов на полуголодное существование. Положение усугублялось тем, что армия по большому счету осталась без главнокомандующего. Будучи фактически изолированным французами, Врангель смог приехать в Галлиполи только 22 декабря 1921 года. Выступил перед войсками, принял парады и вновь вернулся в Константинополь,

Галлиполи — в палатке Марковского полка. 1921 год

где обосновался на последнем русском корабле — яхте «Лукулл».

Генерал С. Н. Витковский в своих воспоминаниях отмечал: *«Первый армейский корпус еще крепче сплотился вокруг Врангеля. В единении наша сила, с неизменной и непоколебимой верой, наш командир обещал вывести армию из новых испытаний»*. В самом деле, барон был вынужден превратиться из военачальника в политика и дипломата. Борьбу за будущее Белого движения приходилось вести не только с иностранцами, но и со своими, русскими. На Врангеля давило и левое, и правое крыло эмиграции. Одни добивались «демократизации» армии, другие, наоборот, обвиняли главнокомандующего в «либерализме».

Сразу несколько политических группировок, претендующих на роль правительств в изгнании, старались взять армию под свой контроль. Врангель достаточно жестко высказался по поводу этих организаций: *«Передавать армию в руки каких-то комитетов я не имею нравственного права, и на это я никогда не пойду. Мы должны всемерно сохранять то знамя, которое вынесли. Разве может даже идти речь о том, чтобы войска находились в зависимости от тех, которые уничтожили, опозорили армию, кто, несмотря на все уроки, до сего времени продолжает вести против нее войну»*.

Штабы Врангеля и Кутепова все еще пробо-
вали разрабатывать планы военных операций.
Недостатка в вариантах не было: высадка в Гру-
зии, перевод на Дальний Восток, объединение
с армией С.Н. Булак-Балаховича, которая со-
биралась в Польше. Оптимизма добавляли со-
общения с Родины о крестьянских восстаниях
на Тамбовщине, Украине, в Сибири. Начали
даже готовить для переброски в Россию лету-
чие отряды из лучших офицеров-добровольцев,
которые смогли бы добраться до бунтующих
районов и стать центрами организации анти-
большевистской борьбы.

Однако жизнь внесла свои коррективы в пла-
ны Белой гвардии. Сухопутные дороги в Рос-
сию были заблокированы войсками победивших
большевиков. Возможность морских десантов
целиком зависела от союзников, которые не про-
являли в этом плане ни малейшей заинтересо-
ванности. Переброска войск на Дальний Восток
стоила слишком дорого. Англия и Франция во-
обще боялись армии Врангеля — этих истинных
воинов, умевших доходить до пределов самоот-
верженности и драться с десятикратно превос-
ходящим противником. Русская армия оказалась
никому не нужна. Более того — она всем мешала.
Уже в конце 1920 года Франция сочла свои со-
юзные обязательства выполненными до конца
и решила избавиться от обузы, которой стали

для нее белогвардейцы. Врангелю настойчиво приказывали разоружить армию, сложить с себя командование и распустить войска, переведя их на положение гражданских беженцев. Генерал категорически отказывался. Лишить офицеров довольствия французские оккупационные власти боялись — невозможно было заранее предвидеть, что в ответ предпримут эти несгибаемые русские. Союзники старались закручивать гайки постепенно, уменьшая продовольственные пайки и довольно подло предлагая восполнить разницу «за счет средств главнокомандующего». Финансов у генерала Врангеля не было никаких. И борьба за армию приняла еще одно направление — поиска денег. Представители генерала обращались за помощью к состоятельным гражданам, сумевшим сохранить капиталы, к правительствам и общественным организациям. Дороги были каждый франк, доллар, фунт и золотой царский червонец, которые позволили бы лишний день прокормить добровольцев.

У 30 офицеров сдали нервы. Они решили с оружием пробиваться в славянские страны. Когда их попытался задержать отряд жандармерии, те с отчаянной руганью пошли в атаку и рассеяли греков. Об этом инциденте через префекта было сообщено по телефону в Галлиполи генералу Кутепову. Пока победители праздновали свой триумф в местном кабачке, подошел

высланный из лагеря патрульный наряд и арестовал их. И все же большая часть армии стойчески переносила трудности? Весной 1921 года Белое движение воспряло духом. Французы не верили своим глазам: вместо уставших и обреченных людей, которые прибыли полгода назад в Галлиполи, непонятно откуда взялись прекрасно подготовленные полки. Во время одного из парадов Кутепов с улыбкой наблюдал за реакцией союзников. Офицер штаба Первого армейского корпуса, отвечая на вопрос пораженного французского генерала: «Как такое возможно?», скромно заметил: «Мы просто отдохнули». Стал оживать и заброшенный Галлиполи. Сюда как к частице старой России потянулись беженцы из Константинополя. Из мужчин, пожелавших вернуться в армию, был даже сформирован отдельный батальон.

Вечерами набережная, которую окрестили «Невским проспектом Туретчины», заполнялась гуляющей публикой. Особенно многолюдно было в «Голом поле» по воскресеньям, когда пароход привозил продовольствие, газеты, почту. Играли оркестры «цветных полков». Было открыто семь церквей. Распахнули свои двери кадетские корпуса, гимназия, самодеятельный театр. Периодически наезжали и артисты-эмигранты из Константинополя. Организовывались рукописные журналы, начали работать клубы.

Но одновременно осложнились отношения с французскими властями.

Генерал Шарпи принял решение о переводе донцов из Чаталджи, где они к тому моменту как-то обустроились, в гораздо худшие условия на острове Лемнос. Казаки лопатами и кольями разогнали сенегальских стрелков, прибывших для их умирения и переселения. Лишь после распоряжения Врангеля, призвавшего донцов успокоиться, инцидент удалось погасить. Хорунжий Иван Сагацкий в своих воспоминаниях писал: *«Мы чувствовали себя оскорбленными, наше возмущение нарастало. Жили впроголодь, спали на земле в шинелях, плотно прижавшись друг к другу. Погода стояла дождливая, иногда с морозами, с ветрами и бурями. Политика Франции объяснялась общим международным положением и благорасположенностью к большевикам».*

Вскоре генерал Шарпи отдал приказ русским частям сдать оружие. На это Кутепов заявил: пусть приходят и попробуют отнять силой. Французы, сославшись на более чем обременительные расходы по содержанию армии Врангеля, недвусмысленно намекнули на прекращение снабжения. В Галлиполи тут же стали усиленно заниматься смотрами и парадами. Союзники встревожились: не собираются ли русские идти на Константинополь? «Нет, — отвечал помощник начальника лагеря генерал Борис Штей-

фон. — Мы просто тренируемся». В результате французское командование решило выселить непокорных русских. Была сформирована мощная эскадра из двух линкоров, трех крейсеров, миноносцев и транспортных судов с пехотой с целью провести операцию по взятию лагеря.

Однако телеграмма Кутепова заставила союзников побледнеть: *«По странному совпадению завтра назначены и маневры всех частей моего корпуса по овладению перешейком полуострова»*. Эскадра тут же сочла нужным уйти от греха подальше. В гневном письме союзникам барон Врангель отмечал: *«Армия, проливающая в течение шести лет потоки крови за общее с Францией дело, есть не армия генерала Врангеля, а Русская. Желание французского правительства, чтобы в лагерях не выполняли приказы своих начальников, не может быть обязательным. Офицеры и солдаты едва ли согласятся в угоду французскому правительству изменять своим знаменам и своим начальникам»*.

Добиться от русских неподчинения своим командирам, подорвать их авторитет союзники так и не смогли. Больше того, неотлучно

